

ЖИТЕЙСКИЕ ИСТОРИИ

Если бы не Виталий Александрович Сырокомский, журналист и писатель, бывший главный редактор «Вечерней Москвы», этого очерка бы не было. Благодаря профессиональной щедрости Виталия Александровича мне выпало счастье познакомиться с замечательными людьми — поэтом Натаном Злотниковым и его женой Натальей Владимировной...

Сергей ФАДЕЙЧЕВ

НАТАН И НАТАЛЬЯ

Григорий ФРУМКИН

Учитель

...Кем он был, когда в Киеве пришел впервые к Николаю Николаевичу Ушакову, самому известному русскому поэту на Украине, сегодня, можно сказать, классику русской поэзии? Демобилизованный солдат, заводской техник-литейщик, студент-заочник Политехнического. Но он писал стихи, и это была его тайная страсть, основной интерес в жизни, и он, понятно, не думал тогда, что годы спустя, став признанным поэтом, с гордостью будет говорить о себе: «Я ведь, знаете, литейщик». А Николай Ушаков увидел перед собой здорового парня, недурно — для начинающего — сочиняющего стихи, но невежественного и не очень понимающего, что такое настоящая поэзия. Для начала Ушаков составил список из сорока книг, которые обязательно нужно прочесть. Начинаться список Библией... Так Натан начинал свое литературное образование.

Он приехал в Москву с тремя рекомендательными письмами, которые ему дал Ушаков. В Москву ему надо было поехать обязательно по двум причинам: во-первых, в Киеве его не печатали. Пишущий по-русски поэт да еще с фамилией Злотников — это с трудом переваривалось украинскими редакторами. Даже авторитет учителя не помогал. А во-вторых, и может быть, это было главной причиной переезда, в Москве жила девушка, без которой Натан свою жизнь не представлял.

Ушаков писал трем своим друзьям — Ярославу Смелякову, Михаилу Светлову и Льву Озерову. Наверное, они могли бы помочь молодому поэту устроиться в Москве и найти какой-то литературный заработок. Но Натан отдал эти письма только после того, как у него все наладилось: его стихи печатались в разных журналах, сам он работал в отделе поэзии журнала «Юность», а девушка, к которой он приехал, вышла за него замуж.

Жена

Признаюсь, я ехал в гости к Натану и Наталье Владимировне Злотниковым с некоторой опаской. Даже с боязнью — это была поездка к очень больному человеку. Он встретил нас на лестнице. Под левым плечом — костыль. Рядом была Наташа — страховала его. «Проходите в квартиру, — сказала она мне и фотокорреспонденту Сереже, — мы сейчас...» Натан не мог развешивать на ступеньках лестницы, ему пришлось по прямой спуститься вниз и только потом подняться в квартиру. Боязнь моя усиливалась с каждым мгновением. Но вот Наташа усади-

ла Натана на диван, я уселся за столом напротив. Натан улыбнулся — и весь мой страх пропал. Не то чтобы я забыл о болезни, нет — просто я вдруг увидел лицо человека необыкновенно доброжелательного, искреннего, мне показалось, что мы с ним знакомы давным-давно.

— Вам не трудно сейчас писать стихи? — спросил я.

— Это происходит помимо моей воли, — сказал Натан, — как будто Господь мне их диктует. Я иногда их вижу во сне. Даже синтаксис, все знаки препинания вижу... Я просто записываю, а потом Наташенька переписывает.

— Знаете, когда он снова вернулся к стихам, — сказала Наталья Владимировна, — он мог писать только на правой половине листа. А теперь уже пишет нормально. Он очень много пишет. Можно еще одну книжку составить из новых стихов. Только кто их сегодня будет издавать?..

Наталья Владимировна помнит день и час, когда произошло несчастье: 10 марта 97-го года. Просто утром он не встал...

Я забыл сказать: в гостях у Злотниковых мы были в городке писателей в Красновидове. Несколько многоквартирных двух- и трехэтажных коттеджей без каких-либо садилов и палисадников, окруженные забором

продолжало биться. А главное, каково ей было ухаживать за стокилограммовым мужиком, лежащим как колода, не имеющим сил шевельнуться! Чтобы только перевернуть его, нужна была изрядная сила, а ей приходилось переворачивать тело мужа несколько раз на дню. Кормила его с ложечки. Научилась массажу и всем прочим медицинским процедурам. Она увидела, что дома он чувствует себя лучше, чем в больнице, и перевезла домой.

К нему заходили друзья — друзей у него было много. Многие помогали, как могли. Но к болезни другого человека привыкаешь как к плохой погоде. Приходить стали реже. Постепенно к нему вернулась речь. Потом она решила, что нужно научить его сидеть. Пришли друзья, помогли усадить на кровати, положив под спину подушку. Ему было больно, но он терпел. Когда он смог сидеть, пришли стихи. К счастью, центр в мозгу, ведающий творчеством, сохранился в неприкосновенности. Разум был ясен.

Потом она заставила его встать и передвигаться по комнате. Она держала его, чтобы он не упал (не представляю, как эта маленькая женщина могла удержать его, огромного, но она удерживала). Потом они вышли на лестни-

Так они жили осенью и зимой, когда на улице было скользко. А летом он гуляет по территории Городка писателей. Впрочем, гуляет — это слишком сильно сказано...

Поэт

— Я сейчас вас развеселю, — сказал Натан. — В армии я служил на Севере, печатал стихи в окружной газете. Однажды меня, сержанта, командира зенитного орудия вызывают в штаб дивизии. Представляете? Сержанта — в штаб дивизии! Оказывается, был конкурс газет четырех военных округов, и я там по какому-то разделу (тогда слово «номинация» было не в ходу!) занял первое место. Начальник политотдела дивизии говорит: «Поедешь в штаб округа», вызывает интенданта и командует: «Одеть сержанта соответственно!» С меня снимают все мое «сУ» и выдают совершенно новое обмундирование — от шинели до сапог. В штабе округа меня генерал объявляет: «Поедешь, сержант, в Ленинград на съезд писателей. Не опозорь наш округ!» И опять же раздается команда: одеть меня «как следует». С меня снимают новое обмундирование и выдают взамен тоже новое — такое же... Так я впервые оказался в компании писателей, дважды обмундированный, но дурак дураком...

Хорошая у нас была когда-то армия — без деловщины, посылающая талантливых солдат на съезды писателей! Но писателем Натан Злотников себя тогда еще не чувствовал. Он только понял, что литература может быть и смыслом, и профессией, и основным делом в жизни.

Через несколько лет он стал учеником Николая Ушакова. «Мой единственный учитель», — говорит он об Ушакове. А еще через годы он сам стал наставником, консультантом многих начинающих стихотворцев. Когда он заведовал отделом поэзии журнала «Юность» — того, доперестроечного журнала, то в отдел, бывало, приходило до трехсот писем в день. Некоторые были адресованы лично ему, поэту Н. Злотникову, и он старался на такие письма отвечать лично...

— Добро всегда возвращается, — говорил он. — Я всегда это знал.

Это речь зашла о последней книжке «Не разомкнуть объятий милых. Избранное». Оказывается, один из друзей Натана, узнав о болезни друга, издал эту книжку на свой счет. Тираж — тысяча экземпляров, издана городской типографией города Клинцы. В ней восемь новых, написанных уже после инсульта стихотворений, остальные — из старых сборников.

— Где можно купить эту книжку? — спросил я.

— Нигде, — ответила Наталья Владимировна. — Тираж лежит у нас дома. Я носила в некоторые книжные магазины, в Дом книги, в «Глобус», нигде не берут. ...Я держу эту книгу в руках. Она прекрасно издана, на хорошей бумаге. На титульном листе посвящение: «Наташе, моему самоотверженному другу и жене — с любовью». Открываю наугад:

*Года бредут гурьбою
Бедой стоит стеной.
Не бойся, я с тобою,
Не бойся, ты со мной.
На предыдущей странице:
Мы обменялись снами,
Но что-то спать неможем...*

Это книга о любви. Впрочем, настоящие поэты всегда пишут о любви, о чем бы они ни писали.

Слезы и смех

Мы говорили долго, и он в какой-то момент обмолвился, что у него очень близки слезы. Порой, стоит ему услышать два такта музыки — и он не в силах сдержать слез. Я как-то пропустил эти слова мимо ушей. Но вспомнил о них, когда попросил почитать стихи. Он дружил с Булатом Окуджавой, гордился тем, что был составителем первого тома «Собрания сочинений» Окуджавы («Собрания...» так и не изданного до сих пор), написал несколько стихотворений, посвященных Булату. И вот он начал читать одно из них — «Прощание в Грузии»:

*Ах, красное вино давно стоит
в стакане
И в предзакатный час играет
как рубин.
Обнимемся, пока мерцают
тускло грани,
Вмещающая свет высот...*

Дальше он читать не смог. Его душили слезы. На лице было такое горе, что нам, гостям, стало неловко. Надо было что-то сказать, но нужные слова не находились. Наталья Владимировна продолжила за мужа:

*Вмещающая свет высот,
что мог достичь глубин.
Ах, белое вино давно стоит в стакане,
Как небо среди звезд,
как среди гор вода...*

Она нарочито спокойно дочитала до конца, до самых последних, необыкновенно точных строк:

*О чем, смеясь, поешь, веселый генацвале?
Зачем ты так поешь,
что не стыдился слез?*

Расставание с Булатом Окуджавой для Натана Злотникова означало очень многое. «Я узнал о кончине Булата. Как о собственной смерти...» — это написано уже после того, как он очнулся.

Не стоит думать, что в доме постоянное уныние и тьма... Наташа и Натан слишком сильные люди, чтобы позволить себе это.

— Я прочту вам шуточные стихи, — сказал Натан, — из последних. «Не надо шуточных», — возразила Наташа, — почти другие». Видимо, ей хотелось, чтобы мы не усомнились в том, что Натан Злотников поэт серьезный, настоящий. Но он все-таки прочел и все мы весело смеялись.

*Как много дорогих мгновений
Потратил я, судьбу погнав;
Мой друг мне говорит: «Ты — гений!»
И очень жаль, что он не прав.*

*А вот совсем уж озорное:
Хоть посылает старость
На предпоследний круг,
Тугая грудь, как парус,
Не выскользнет из рук!*

О многом еще можно было бы написать. Например, об истории любви Натана и Наташи, о том, что она хранит 170 писем, полученных в разлуке, о том, как в начале совместной жизни они мыкались без жилья... Или о причинах, вызвавших инсульт у человека с богатырским здоровьем.

В какой-то момент, поколебавшись, я спросил Наталью Владимировну: если в последние годы Натан не печатается, если нет гонимых, на какие средства выживаете? «Как многие, — сказала она, — на две пенсии»...

Да, многие так живут — на пенсию. Но дело даже не в деньгах. Есть глобальная несправедливость в том, что Поэт и его Читатель движутся по разным орбитам, и эти орбиты не пересекаются. Конечно, я имею в виду Настоящего Поэта и Настоящего Читателя.

Он подчинялся ей — может быть, даже не столько ради своего призрачного выздоровления, сколько ради того, чтобы не огорчать ее

— это и есть Городок. Квартирки маленькие, тесные, но зато — городские удобства и свежий воздух. И дивные истинские пейзажи вокруг поселения.

Накануне того злосчастного дня они ночевали здесь. Наталья Владимировна увидела: муж не может пошевелиться, не может сказать ни слова. Но глаза были открыты — он был жив! Через несколько часов приехала «скорая». Врач констатировал инсульт и предложил отвезти в больницу в Дедовск. Наталья Владимировна настаивала: только в Москву! За большие деньги Натана все-таки отвезли в московскую квартиру и там уже снова вызвали «скорую помощь».

Потом... Потом начинается история подвига, который совершила женщина ради спасения своего мужа. Не все врачи верили, что он выживет. Находили других врачей. У него была поражена вся левая сторона тела — только сердце еще

цу московского дома, и она заставила его подняться со второго этажа, на котором они жили, на восьмой. Она поднималась вместе с ним. Через некоторое время он стал подниматься один, а она на лифте привозила ему костыль. Он поднимался, волоча левую ногу, опираясь правой рукой на перила. Вниз спускаться было трудней: он правым локтем упирался в стену и на локте образовалась болящая вечная мозоль. Под левым плечом был костыль, и левой ногой от бедра то ли усилием воли, то ли силой инерции он делал очередной шаг. И так каждое утро, изо дня в день. Он протестовал — эти упражнения были не просто трудны, ему было безумно больно. Но Наталья Владимировна знала: надеяться ни на кого, кроме как на самих себя, не приходится. И он подчинялся ей — может быть, даже не столько ради своего призрачного выздоровления, сколько ради того, чтобы не огорчать ее.